

ЧТО ТАКОЕ МЕНТАЛИТЕТ?

Историографические заметки

Понятие «менталитет» давно уже вошло в состав научной терминологии западной мысли. Этот термин, как известно, ведет свое происхождение из латинского языка — от слова *mens, mentis*, т. е. ум, мышление, рассудок, образ мыслей и т. д. — всего более девяти значений. Уже в этой многозначности латинского слова изначально заложена возможность самого широкого его толкования и применения. И действительно, оно активно употребляется в большинстве европейских языков и повсюду звучит примерно одинаково. Так, во французском языке *mentalite* — это направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума. В английском — *mentality* — это умственное развитие, склад ума, умонастроение. В немецком — *die Mentalitat* — это склад ума, образ мыслей и т. д. Показательны зарубежные словари синонимов. Они также дают различные варианты истолкования этого термина: образ мышления, психический склад человека, структура сознания и многое другое¹. В английском научном языке термин «менталитет» употребляется с середины XIX в., в немецкой научной терминологии — со второй его половины, а во французском — и того ранее.

Однако в исторической науке этот термин начал приобретать права гражданства лишь в самые последние десятилетия нашего века. И вот парадокс: чем шире он начал употребляться, тем разнообразнее становилось его толкование. При этом в разных странах ученые в один и тот же термин вкладывали близкое, но отнюдь не одинаковое значение. В результате мы можем констатировать: единого общепринятого определения менталитета в зарубежной исторической науке нет. Есть только более или менее распространенные объяснения, толкования этого термина.

Подобная ситуация — отнюдь не уникальное явление в исторической науке. Вот один из близких примеров — определение понятия «общественная мысль». Известно, что в дореволюционной российской историографии мы не найдем сколько-нибудь полного определения этого понятия². Сам термин «общественная мысль» появился в России довольно поздно. Его впервые употребил Н. А. Добролюбов в 1860 г. в известной статье «Когда же придет настоящий день?», в которой он говорит о «состоянии общественной мысли и нравственности в России»³. В свое время в СССР работал специальный семинар, изучавший явления общественной мысли и опубликовавший результаты своей работы⁴. При АН СССР был создан «Научный совет по истории общественной мысли», с 1989 г. выпускавший свои труды⁵. Выходили и итоговые, обобщающие работы⁶, но и по сей день каждый ученый по-своему толкует понятие «общественная мысль».

Но вернемся к менталитету. В зарубежной историографии пионерами в применении этого термина и изучении самого явления стали французские ученые, принадлежащие к школе «Анналов». Как известно, они ориентировались на анализ структур духовной жизни общества, на поиск фундаментальных устойчивых структур сознания⁷. Менталитет для них — центральный узел, своеобразный стержень исторического процесса. Недаром А. Я. Гуревич назвал «анналистов» свершителями «коперниканского переворота» в историческом познании XX в.⁸

И вот уже в начале 60-х гг. в известном обобщающем труде «История и ее методы» Г. Дюби опубликовал главу «История менталитета»⁹, а в не

* **Пушкарев Лев Никитич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН.

менее популярном журнале «Анналы» вышла статья А. Дюпрона «Проблемы и методы истории коллективной психологии»¹⁰, также содержащая определение менталитета. Вслед за тем появились и в других странах работы, с разных сторон трактующие понятие менталитета¹¹. В дальнейшем исследователи все больше связывают понятие менталитета с социальной историей¹². Вскоре оно получает признание и в различных энциклопедических изданиях¹³. И, наконец, в Германии, в серии «Карманное издание Крёнера» выходит большой коллективный труд «Европейская история менталитета»¹⁴, как бы подводящий своеобразный итог различных пониманий этого термина.

Не ставя своей целью проанализировать всю вышедшую за рубежом литературу по этому вопросу, остановлюсь лишь на некоторых (но наиболее общих, общепризнанных) определениях менталитета. Прежде всего отметим, что зарубежные ученые ни в коем случае не приравнивают менталитет к идеологии и вообще к теоретическим формам общественного сознания. Но вместе с тем они не рассматривают менталитет и как чисто психологическое явление: с их точки зрения, психология имеет дело не с понятиями, а с чувствами, эмоциями, темпераментом, восприимчивостью.

Отметим, что для зарубежных ученых менталитет — это своеобразные установки сознания, неясные, невербализованные (т. е. не выраженные в словах понятия) его структуры. Менталитет, по их мнению, включает в себя основные (по их терминологии, «базовые») представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога как творца всего сущего. При этом — и это-то и есть самое главное! — все эти представления не подвергнуты логической систематизации, не «пропущены» через логическое осмысление. Они связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием, регулирующим, однако, поведение (а не мышление!) человека. Ход их рассуждений примерно таков: при помощи мышления, сознания человек познает мир, а менталитет — это восприятие, истолкование мира, а не его познание! Поэтому человек, познавая мир, создает систему логических категорий и понятий — это и есть мышление, познание. А создавая «модель мира», истолковывая его, воспринимая его суть, человек использует «неотрефлексированные» впечатления, представления, образы — это и есть менталитет.

Как мы видим, различия между мышлением и менталитетом достаточно тонкие — и вместе с тем весьма существенные. Коротко говоря, мышление — это познание мира, а менталитет — это манера мышления, его склад, его особенности, его своеобразие. Это эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мышления и человека, и коллектива.

Приведу для ясности параллель, чтобы усвоить разницу между мышлением и менталитетом. Это соотношение понятий «религия» и «религиозность». Религия — один из видов идеалистического мировоззрения, это система твердо установленных и взаимосвязанных догм и постулатов для каждой религии (христианство, мусульманство, иудаизм, буддизм и т. д.) своя. А вот религиозность — это совокупность таких отношений к миру, которые предполагают веру в существование высшей силы, руководящей поведением человека, его мыслями и чувствами. Религиозность проявляется в образах и стремлениях прибегнуть к защите высшего существа, наделенного сверхъестественной силой. Религиозность — это состояние души человека, когда весь окружающий мир окрашивается бессознательной и бездумной верой в те или иные идеалы, стремление к которым и придает человеку силы («Вера горами двигает!») и руководит им. Религиозность — это одна из составляющих менталитета.

Одним из первых развернутую дефиницию менталитета дал Г. Бутуль в монографии «Менталитет», впервые опубликованной еще в 1952 г. и выдержавшей подряд пять изданий. Автор пишет: «Менталитет — это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет

находится между нами и миром, как призма. Она, пользуясь выражением Канта, является априорной формой нашего познания»¹⁵.

В этом определении обращает на себя внимание прежде всего стремление автора связать понятие менталитета с верой, а не с познанием. Следует вообще заметить, что почти все зарубежные ученые подчеркивают значение веры в менталитете. Вера является важнейшей составной частью менталитета и всегда изначально присутствует в человеческом сознании. В данном же определении отметим также место менталитета между миром и воспринимающим его как бы через призму субъектом. При этом автор, ссылаясь на Канта, подчеркивает априорность менталитета. Тем самым менталитет как бы становится исходным постулатом восприятия мира человеком, выражением изначальных, доопытных принципов этого восприятия.

Хотя в таких известных энциклопедиях, как «Британника» (1980 г.) или «Кембриджский словарь» (1983 г.), определение менталитета и отсутствует, в других, не менее известных, как, например, французский словарь философских терминов, определение менталитету дано: «это склад мышления, комплекс мнений или предрассудков, которые создают базу и управляют мышлением индивида или группы»¹⁶. Здесь подчеркнута активная роль менталитета: это не только призма, сквозь которую человек воспринимает мир. Менталитет управляет самим мышлением, причем не только отдельного человека, но и целой группы.

В дальнейшем в определениях менталитета ученые все более стали подчеркивать комплексный характер этого явления духовной жизни человека. Они начали включать в менталитет верования и психику, мораль и склад мышления. «Большой энциклопедический Ларусс» так определяет менталитет: это — «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности людей или группы, состояние ума» или: «Совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад мышления»¹⁷. В качестве примеров группового менталитета приведен менталитет современной молодежи или деловых кругов.

Нельзя не отметить в французской литературе стремления выделить не системный характер менталитета (что характерно, например, для мировоззрения, общественной мысли и т. д.), а некую весьма многоликую и многообразную «совокупность» явлений духовной жизни — от привычек до верований, от психологических особенностей восприятия действительности до моральных и нравственных норм поведения. Это отчетливо прослеживается еще в одном определении, данном также в философском словаре: «менталитет — это совокупность умственных установок, привычек мышления, фундаментальных верований индивида»¹⁸.

Работы французских историков, содержавшие определение менталитета, постепенно начали завоевывать признание и в других странах. Так, классическая работа «отца школы Анналов» Марка Блока «Феодальное общество» вышла во Франции в 1939—1940 гг., на итальянский она была переведена в 1949 г., на английский — в 1961 г., а на немецкий — только в 1982 г. Поэтому в известном немецком «Лексиконе основных понятий по истории», вышедшем в свет в 1982 г., нет еще терминов «менталитет» или «история менталитета».

Во введении к коллективному труду «Европейская история менталитета», новейшему по этой проблеме (см. сноску 14), дается развернутое толкование содержания менталитета. Менталитет, по мнению немецких ученых, включает в свой состав множество более узких тем, которые в сумме своей и дают глобальную картину менталитета отдельного коллектива в ту или иную эпоху. Темы эти следующие:

«— Оценка соотношения между душой и телом; сознательная оценка и неосознанная роль телесного (напр., тело, как темница души; идеал психосоматической целостности);

- Точка зрения на юность и старость и на превалирующее их общественное положение (напр., геронтократия, культ юности);
- Отношение к сексуальности и значение любви (напр., разделение секса, любви и супружества; романтическая любовь как смысл бытия);
- Страхи и надежды (напр., представления о потустороннем мире; утопии);
- Представления о соотношении радости, страдания и счастья, напр., атараксия (с греч.) (т. е. невозмутимость, полное спокойствие духа, к которому, по учению стоиков, должен стремиться мудрец); преодоление страдания с помощью успокаивающих средств;
- Оценка и преодоление болезненности (напр., понимание болезни как божьего наказания; представление о болезни как дефекте биологического механизма);
- Представления о смерти и поведении человека при умирании (напр., умирание как цезура внутри жизни; смерть как вытеснение из мира повседневности);
- Переживания между индивидом, семьей и обществом (напр., в группе взаимосвязанных индивидуумов; культ индивидуального гения);
- Общественные критерии ценности (напр., честь и стыд; консерватизм и прогрессивность);
- Значение труда и отдыха (напр., праздник как религиозное отправление; «Работа делает свободным»);
- Структура и оценка власти (напр., священное происхождение власти; антиавторитарные движения);
- Отношение к войне и миру (напр., справедливые и священные войны; принципиальное отрицание насилия);
- Формы этики и права (напр., этика как божественное определение; сословное понимание права);
- Эстетические представления (напр., прекрасное и отвратительное; искусство ради искусства);
- Религиозность (напр., страх перед божеством или любовь к Богу; исключение гипотезы толкования божества);
- Оценка природы и окружающего мира (напр., анималистическое восприятие природы; защита окружающей среды);
- Космология (напр., мир как организм; мир как машина);
- Восприятие пространства (напр., святость пространства; образцы передвижения в пространстве);
- Восприятие времени (напр., циклическая картина исторического процесса; естественность или искусственность деления времени);
- Образцы мышления (напр., ассоциативное мышление; разрешение проблем в ходе дискуссии или спора);
- Регуляция поведения цивилизованным путем (напр., правила поведения за столом; жеманность, чопорность);
- Формы коммуникации (напр., письменная и устная речь; язык жестов)»¹⁹.

Не все из перечисленных тем рассмотрены в этом обобщающем труде. Авторы этой книги (а их более 30-ти) остановились на самых важных «основополагающих компонентах» менталитета в 17 разделах, обозначив их так: индивидум — семья — общество; сексуальность — любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость — счастье — страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежды; общение; чужое и собственное; власть; право; природа и окружающий мир; пространство, время и история. При этом все «компоненты» этой большой проблемы рассматривались соответствующими специалистами отдельно для периодов античности, средневековья и нового времени. В результате этот труд оказался состоящим из 51 самостоятельного очерка, не считая предисловия и вводной главы «К теории и практике истории менталитета» (автор, он же и редактор этого коллективного труда, — профессор из Зальцбурга Петер Динцельбахер).

П. Динцельбахер — видный немецкий специалист в области средневековой мистики, истории религии и народной средневековой культуры. Известны его работы: «Мост в потусторонний мир в средневековье» (1973 г.), «Традиции иудаизма» (1977 г.), «Видения и литература о них в средневековье» (1981 г.), «Средневековая литература видений» (1989 г.), «Откровения» (1991 г.), «Средневековая женская мистика» (1993 г.), «Христианская мистика на Востоке» (1993 г.) и др. Он — один из издателей журнала «Медиевистика», публикатор таких сборников как «Женская мистика в средние века» (1985 г.), «Народная культура позднего европейского средневековья» (1987 г.), «Религиозное женское движение и мистическое благочестие в средние века» (1988 г.), «Народная религия в высокое и позднее средневековье» (1990 г.). Он участвовал в создании таких справочных пособий, как «Словарь мистиков» (1989 г.), «Предметный словарь по медиевистике» (1992 г.).

Посмотрим, как определяет менталитет П. Динцельбахер. Предварительно сославшись на уже высказанное мнение, что «менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить»²⁰, он предлагает следующую дефиницию: «Исторический менталитет — это совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерная для определенного коллектива в определенное время. Менталитет проявляется в действиях»²¹. И далее автор поясняет от себя, что менталитет — это больше, чем история духа либо идеи, больше чем идеология и история религии, чем история эмоций и представлений, чем история культуры и быта. И далее автор, ссылаясь на предшествовавшие работы Н. Элиаса и Х. Гетца²², утверждает, что менталитет является более обобщающим понятием, чем даже «история процесса цивилизации» или же «история представлений».

Расшифровывая дальше свою дефиницию, автор подчеркивает, что «Совокупность» — это не противоречивая система, хотя она и состоит из диалектических компонентов, которые и ведут к изменению менталитета во времени. Под «коллективом» же в данном определении автор понимает как население целого континента, так и отдельные народы, прослойки, общества, секты, производственные объединения и т. д., вплоть до отдельного человека. Затем П. Динцельбахер останавливается на источниках для изучения менталитета и полагает, что ими может быть все, созданное человеком и сохранившее дух, духовную сущность своего творца. Автор утверждает связь менталитета с «психоисторией человечества», понимая историю менталитета как центральный аспект всемирной истории, изучающей все проявления человеческого духа.

В дальнейшем в книге дается анализ различных составляющих менталитета, каждая из которых рассматривается в отдельном очерке. Все они снабжены подробной библиографией, которая в сумме своей дает представление об изучении менталитета в разных странах. Среди авторов очерков — ведущие специалисты, преимущественно из Германии, но также и из Франции, Австрии, США.

Можно, воспользовавшись этой библиографией, привести и еще достаточное количество определений менталитета, однако все они будут отличаться, как правило, лишь стилистическими разночтениями. Бросается в глаза одно: ученые и не пытаются даже просто объединить, суммировать все эти определения, проанализировать их, указать на встречающиеся противоречия и т. д. Каждый исследователь употребляет это понятие в том виде и смысле, который кажется ему наиболее приемлемым и удобным.

Возможно, этому способствует присутствие во всех определениях термина «совокупность». Как известно, совокупность — это набор, сочетание, соединение, общий итог чего-либо. Иными словами, это в значительной степени — механическое действие. Совокупность может быть и очень большой, и малой, ее можно увеличить и уменьшить, и она от этого не перестанет быть совокупностью. Вот историки и используют это в своих целях, произвольно

расширяя или сокращая ее размеры и набор ее основных (базовых) компонентов.

Остановимся теперь на том, что наряду с термином «менталитет» появились и производные от него термины. Широко стало употребляться прилагательное «ментальный», а от него, в свою очередь, был образован новый термин — «ментальность». В зарубежной историографии он вначале применялся главным образом в психологии, физиологии и философии в следующем значении: способность психики индивида хранить в себе те или иные данные либо структуры, характеристики и т. д., определяющие принадлежность данного индивида к определенному социуму или к тому либо другому времени. Чуть позже и историки начали рассматривать ментальность как своеобразную личностную либо социальную память человека или коллектива, свойственную только ему и характеризующую только его и тот круг, слой, сословие, народ, к которому он принадлежит.

Следовательно, различие в употреблении терминов «менталитет» и «ментальность» в том, что менталитет имеет всеобщее, общечеловеческое значение (как, например, «мышление», «сознание» и проч., ведь нельзя сказать «русское мышление», «немецкое сознание», но можно сказать «мышление русского человека», «сознание француза» и т. п.). В то же время «ментальность» может относиться к самым различным социальным стратам и историческим временам (можно сказать «русская ментальность», «средневековая ментальность», «купеческая ментальность» и т. д. Но можно как равнозначное употребить и термин «ментальность советского человека» или «ментальность первобытного общества» и проч.).

Такая широта в употреблении термина «ментальность» объясняется тем, что посредством суффикса «-ность» от основ имен прилагательных образуются, как правило, существительные, обозначающие признак, отвлеченный от предмета, а также качество либо состояние. Итак, «ментальность» — это признак мыслящего человека, характерный для данного лица (коллектива) в данное время. «Ментальность» и «менталитет» — близкие, но не равнозначные понятия.

Надо сказать, что употребление двух этих терминов еще не устоялось. Есть исследователи, которые применяют их как равнозначные. Именно это мы встречаем в материалах «круглого стола», проведенного журналом «Вопросы философии» в 1993 г., на котором речь зашла о «русской ментальности». Большая часть участников этого совещания подразумевала под нею некое духовное явление, обладающее качествами, свойственными только той или иной нации и тем самым определяющее ее лицо, ее роль в истории и современности. Один из авторов так определил ментальность: «Это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей»²³. Участники совещания подчеркнули связь ментальности с психической обусловленностью поведения человека, ее активную роль в человеческой деятельности.

Правда, на том же «круглом столе» прозвучали и иные точки зрения. Заклучавший дискуссию А. П. Огурцов усомнился в «национальном характере» ментальности, в ее способности символизировать собою национальный характер, дух того либо иного народа. Он предложил иное определение ментальности, понимая под нею «систему образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом и функция которых — быть регулятором их поведения в мире». И далее он продолжает: «Структуры ментальности обладают и большей исторической деятельностью, и большей устойчивостью относительно изменений общественно-политической жизни. Менталитет потому и менталитет, что он определяет и опыт, и поведение индивида и социальных групп»²⁴. В этом определении больше всего выделена регулирующая роль менталитета, его активное (если не сказать — решающее!) положение в общественно-созидательной деятельности человека и в его поведении.

Что касается исторической науки, то и в литературе последних лет термин «менталитет» также начинает получать права гражданства. Так, это понятие стало использоваться в работах по периодизации истории средневековья: «Русское средневековье условно можно разделить на четыре этапа: языческая Русь (VIII в.— 990-е гг.), христианская Русь («классический» период — 990-е гг.— 1238—1240 гг.), период ломки и становления нового менталитета в монгольскую эпоху (сер. XIII в.— сер. XV в.), Московская великокняжеская Русь со своим типом сознания (конец XV — начало XVII в.)»²⁵.

Из более ранних определений менталитета историками можно указать на попытку А. Я. Гуревича дать однозначную дефиницию этого понятия. Комментируя издание в серии «Памятники исторической мысли» труда Марка Блока, он еще в 1973 г. обратил внимание на частое использование французскими исследователями (Блоком, Фебром и их последователями) термина «менталитет»: «Этим емким и непереводаемым однозначно на русский язык словом они обозначают то «умонастроение», то «умственные способности», то «психологию» и «склад ума», а может быть, и весь тот комплекс представлений о мире, при посредстве которых человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную «картину мира» хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений; в таком случае французское слово *mentalité* по смыслу приближается к русскому «мировидение»»²⁶.

Согласимся, что это действительно так, но знака равенства между этими понятиями, как нам кажется, поставить нельзя. Прежде всего, «мировидение» по сути своей пассивно, созерцательно. Менталитет же, наоборот, активен, деятелен. Гораздо более подходящим по смыслу к термину «менталитет» будет давно уже используемый в нашей литературе (как в историко-социологическом, так и в общетеоретическом плане) термин «духовный мир»²⁷. Под духовным миром человека (личности) понимается его «сознательная психическая и общественная жизнь, взятая в совокупности и целостности... Духовный мир отдельного человека, а тем более социального слоя в целом... является предметом исследования ряда наук — от физиологии высшей нервной деятельности до философских, исторических и социологических наук. Естественно, что каждая из наук дает собственное толкование предмету изучения... Общественные науки, анализируя духовный мир того или иного социального слоя, рассматривают совокупность проявлений деятельности разума, чувств и воли людей и их коллективного сознания, складывающегося на основе практики. Духовный мир больших общественных групп, следовательно, отражает природное и социальное бытие, отношение к мирозданию, его прошлому, настоящему и будущему, к общественным отношениям, сложившимся к определенному времени»²⁸.

В данном определении применительно к духовному миру также использован термин «совокупность», а не «система» — последнее понятие более соответствует общественной мысли, а не духовному миру, не менталитету. Последний шире и многообразнее, чем общественная мысль. Общественная мысль — часть менталитета, правда, весьма существенная и нередко его определяющая, но все же только часть. За ее пределами остаются такие движения души и невербализованные проявления чувства, которые, хотя и составляют часть социального развития, тем не менее сохраняют свою самостоятельность и самоценность.

Конечно, термин «духовный мир» — это не перевод и не замена слова «менталитет» на русский язык. Это близкое, но опять-таки не равнозначное понятие. И прежде всего, духовный мир — это своеобразный итог, результат духовной деятельности человека. Менталитет же — это постоянно действующее активное начало в его деятельности. Это своеобразный фермент, не только стимулирующий эту деятельность, но и нередко определяющий поведение человека и его отношение к окружающему миру.

Да и вообще — есть ли смысл переводить на русский язык иностранный термин «менталитет»? Следует принять его и усвоить так же, как это

произошло с терминами «суверенитет», «сюзеренитет», «муниципалитет», «иммунитет» и многими другими, прочно уже вошедшими в нашу научную терминологию.

Придется еще раз признаться, что мы вновь отстали от Запада — на этот раз в сугубо теоретическом плане. Слишком много сил и времени уделила советская историческая наука выявлению социально-экономических, классовых и партийных факторов, влияющих на поведение человека (либо социального страта) в тех или иных условиях. И очень мало изучено значение таких ментальных факторов, как чувства, симпатии, склонности, душевные предпочтения и проч., хотя именно они-то порою могут весьма существенно влиять на ход исторических событий, а порою и определять их.

Безусловно, нет смысла напрочь отказываться от классового анализа явлений и событий. Речь идет о другом; историки, изучающие общественную мысль и духовную культуру любого народа в любое время, не отказываясь от анализа социально-экономических, классовых и партийных факторов, влияющих на исторический процесс (они были и влияли, есть и влияют и будут существовать и влиять!), должны дополнить этот анализ разбором явлений менталитета данного социального страта а данное время. Более глубокое изучение ментальных явлений обогатит нашу науку, даст новый толчок культурологическим исследованиям, позволит представить более полно (а, значит, и более верно!) историческую картину прошлого. Это изучение существенно поможет нам и в предвидении поведения человека в различных ситуациях.

На наш взгляд, исследование ментальных факторов должно быть дополнено серьезным и углубленным изучением и фрейдизма. Не отрицая влияния идеологических факторов на сознание и индивида, и коллектива, необходимо показать и ответную реакцию на нее ментальных факторов. Одним словом, более глубокое исследование менталитета различных социальных страт в разное время — одна из важных и первоочередных задач, стоящих перед нашей наукой.

Настоящие историографические заметки отнюдь не претендуют на окончательное решение сложного и не только терминологического вопроса — что такое менталитет? Они — лишь заявка на более глубокое и проникновенное его исследование. Они — лишь приглашение к дискуссии, которая и даст нам материал для полного и точного понимания этого термина.

Примечания

¹ Larousse. Dictionnaire des Synonymes. P., 1992. P. 444—445.

² Досоветскую историографию проблемы см.: Пушкарев Л. Н. Становление понятийного аппарата истории культуры (историографические заметки)//Историографические и исторические проблемы русской культуры: Исследования и материалы. М., 1982. С. 5—21.

³ Впервые на это обратил внимание Л. А. Коган. См.: Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977. С. 41—43.

⁴ Актуальные проблемы истории общественной мысли. Вып. 1—4. М., 1970—1974.

⁵ Общественная мысль: Исследования и публикации. Вып. 1—3. М., 1989—1993.

⁶ Пушкарев Л. Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль»//История СССР. 1992. № 3. С. 73—81.

⁷ См.: Огурцов А. П. Трудности анализа ментальности//Вопросы философии. 1994. № 1. С. 51.

⁸ Гуревич А. Я. Европейское средневековье и современность//Европейский альманах: История. Традиции. Культура. М., 1990. С. 135—147; Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки//Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 30. См. также: Тартаковский А. Г. История продолжается...//Эйделман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков. М., 1993. С. 17.

⁹ Duby G. L'-histoire des mentalités//L-histoire et ses méthodes. P., 1961. P. 237—266.

¹⁰ Dupront A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective//Annales. V. 16 (1). Jan.-Feb. 1961. P. 3—11.

¹¹ Geremek B. Umysłowość i psychologia zbiorowa w historii (Mentalité et psychologie collective en histoire)//Przegląd Historyczny 1962. T. 53. P. 629—643; Ruschemeyer D. Mentalität und

Ideologic//Soziologie/Ed. R. König. B., 1967; Trenard L. Histoire des mentalités collectives: les livres, bilans et perspectives//Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1968. V. 2. P. 691—703.

¹² Duby G. Histoire sociale et histoire de mentalités//Nouvelle Critique. 1970. № 34. P. 11 — 19; Faberman H. A. Manheim, Cooley and Mead. Toward a Social Theory of Mentality//Sociological Quarterly. 1970. V. II. P. 3—13; Sprandel R. Mentalitäten und Systeme: neue Zugänge zur mittelalterlichen Geschichte. Stuttgart, 1972.

¹³ Mandrou R. L'histoire des mentalités//Enciclopedia universalis. V. VIII. P., 1968. P. 436—438.

¹⁴ Dinzelsbacher P. (Hg.). Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen. Alfred Kroner Verlag. Stuttgart, 1993 (Kröners Taschenaufgabe. Band 469).

¹⁵ Bouthoul G. Les mentalités. P., 1952. 5-e ed. P., 1971. P. 31—32: «La mentalité est un ensemble d'idées et de dispositions intellectuelles intégrées dans le même individu, reliées entre elles par des rapports logiques et des rapports de croyance... Notre mentalité s'interpose entre l'univers et nous-mêmes comme un prisme. Elle est, en reprenant l'expression kantienne, la forme a priori de notre connaissance».

¹⁶ Dictionnaire de la langue philosophique. P., 1986 (5-e ed.). P., 435: «...état d'esprit. Complexe d'opinions ou de préjugés, qui informent et commandent la pensée d'un individu ou d'un groupe...».

¹⁷ Grand Larousse Universel. V. 10. P., 1989 (Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse). P. 6834—6835: «Ensemble des habitudes intellectuelles, des croyances et des dispositions psychiques, caractéristiques d'une collectivité ou d'un groupe; état d'esprit; ensemble des manières d'agir de penser, de juger de quelque, sa morale; était d'esprit... La mentalité, de la jeunesse actuelle, avoir la mentalité d'une fonctionnaire».

¹⁸ Vocabulaire technique et critique de la philosophie. Sur dir A. Lalande. P., 1988 (16 ed.). P. 609: «Ensemble des dispositions intellectuelles, des habitudes, d'esprit et des croyances fondamentales d'un individu».

¹⁹ Dinzelsbacher P. Vorwort//Europäische Mentalitätsgeschichte. S. X—XI.

²⁰ Reichardt R. Histoire des Mentalités: Eine neue Dimension der Sozialgeschichte an Beispiel des französischen Ancien Régime//Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. 1978. № 3. S. 130.

²¹ Dinzelsbacher P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte//Europäische Mentalitätsgeschichte. S. XXI: «Historische Mentalität ist das Ensemble der Weisen und Inhalt des Denkens und Empfindens, das für ein bestimmtes Kollektiv in einer bestimmten Zeit prägend ist. Mentalität manifestiert sich in Handlungen».

²² Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Bern, 1969; Goetz H.-W «Vorstellungsgeschichte»//Archiv für Kulturgeschichte. 1979. B., 61. S. 250—271.

²³ Пантин И. К. Национальный менталитет и история России//Вопросы философии. 1994. № 1. С. 30.

²⁴ Огурцов А. П. Указ. соч. С. 51, 52.

²⁵ Пчелов Е. В. Некоторые вопросы периодизации феодального общества Древней Руси//Историческое познание: Традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 159—161. См. также: Александров Д. И. Проблемы типологии и периодизации средневековых обществ в Восточной Европе. Период феодальной раздробленности (к постановке проблемы)//Там же. С. 154—156; Гамаюнов С. А. Периодизация отечественной истории (синергетический аспект) //Там же. С. 156—159. Автор выделяет следующие четыре периода: Киевская Русь (IX—XII вв.), Московская Русь/Россия (XIV—XVII вв.), Петербургская Россия (XVIII в.— 1917 г.) и с 1917 г.— Советская Россия. Отметим также интересную работу: Коротаев В. И. Судьба русской идеи в советском менталитете (20—30-е годы): Уч. пос. Архангельский Поморский пед. ун-т. Архангельск, 1993.

²⁶ Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории, или Ремесло историка»//Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 196—197; изд. 2. М., 1986. С. 214—215. См. также: Goetz Z., Irsigler Fr., Kummel I., Schubert E., Wunder H. Mentalität und Alltag im Spätmittelalter. Göttingen, 1985; Schneider R. Mittelalterliche Mentalitäten als Forschungsproblem//Mentalität im Mittelalter. Sigmaringen, 1987. P. 313—333; Muchembled R. Société et mentalités dans la France Moderne. P., 1990.

²⁷ См., напр.: Духовный мир личности. Баку, 1982; Духовный мир современного человека. М., 1987; Духовный мир и ценностные ориентации личности. Киев, 1988 и др.

²⁸ Пушкарев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII—XVIII веков. М., 1994. С. 3.